

23 НОЯ 1971
Газета

г. Москва

О СЕНЬ в Берлине — пора театральных премьер. Их действительно было уже довольно много. Но особое внимание стоит обратить, пожалуй, на два спектакля — комедию Рольфа Шнейдера «Въезд в замок», поставленную в «Дойчес Театер», и пьесу Райнера Керндля «Когда же придет Эрлихер?» в Театре имени Максима Горького.

Комедия Шнейдера рассказывает о строительстве химического комбината в городе Шведте-на-Одере. Однако драматург далек от того, чтобы превращать сцену в кафедру для дискуссий по производственным проблемам. И место действия в ней, кстати, не строительная площадка, а... кабачок! Перед зрителями проходит хозяин кабачка, который в конце концов преодолевает приверженность к «своему», к «кровному», понимает бесперспективность частного предпринимательства в условиях социализма; его дочь, сумевшая вырваться из затхлого обывательского мира и обрести новые жизненные цели; кельнер Эмиль, который вместе с новой профессией бетонщика обретает и новое, творческое отношение к труду; бригадир строительной бригады, который из самоуверенного индивидуалиста постепенно, как он сам со смущением — самокритичной иронией констатирует в финале, превращается в «образцово — показательного» руководителя.

Таким образом, за те семь лет, которые охватывает действие пьесы, в сознании каждого из героев происходят важные сдвиги. На наших глазах идет процесс духовного роста людей, их превращение в сознательных строителей социализма. Но этот процесс в пьесе является не результатом неких декларативных постулатов, а диктуется логикой характеров и общественных обстоятельств. И строительство комбината в Шведте, которое в комедии Шнейдера служит активным фоном, даже, точнее, главной пружиной действия (поскольку именно с ним связаны пере-

мены в судьбах героев), вырастает в символ исторических свершений немецкого рабочего класса.

Комедия Шнейдера очень сценична, строится на напряженной, интересной фабуле. Пьеса Керндля «Когда же придет Эрлихер?», напротив, почти бесфабульна. Это драма идей, пьеса-дискус-

сионных проблемах. «Я показываю в пьесе бытовую, будничную для всех нас обстановку, которая является также и нашей духовной, интеллектуальной средой, показываю обычные жизненные ситуации», — говорил по этому поводу Райнер Керндль в интервью газете «Зонтаг».

МЕРА ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

сия, время действия которой — один-единственный вечер.

...Три человека. Супруги Эв и Курт (он руководитель предприятия, она учительница) и их знакомая Зу ожидает четвертого. Им всем по тридцать, вместе они окончили школу двенадцать лет назад, а сегодня решили собраться вечером, чтобы вспомнить юность и свои школьные проделки. Ожидание этого четвертого, без умысла названного несколько искусственным для немецкого уха именем Эрлихер (что в переводе приблизительно соответствует фамилии Честнов), превращается для всех троих в час испытания, когда подводятся предварительные итоги и принимаются решения.

Эрлихер, по всей видимости, пошел дальше всех троих, поскольку он принадлежит к руководству некоего промышленного объединения и имеет право утверждать или отменять распоряжения Курта. Именно это последнее он и сделал накануне днем. И именно поэтому в пьесе возникает двоякого рода психологическое напряжение. Оно вызывается и предстоящим разговором друзей, встречей двенадцать лет спустя, и наличием противоположных мнений.

Впрочем, и в этой пьесе речь идет отнюдь не о про-

Знакомая супругов — Зу оказывается в этой ситуации чем-то вроде катализатора. Она провоцирует дискуссию между Эв и Куртом, вскрывающую давно назревший конфликт между ними, и в конечном итоге становится ясно, что брак обоих уже давно лишен своей духовной основы.

Однако Зу — отнюдь не тип «положительного героя-резонера». Ее характер, ее взгляды, ее жизнь также становятся объектом сценического анализа. И именно в связи с этой фигурой возникает центральная проблема пьесы — вопрос о том, что же такое истинная революционность сегодня для нас — граждан социалистического общества, а может быть, и не только для нас.

Зу яростно бунтует против всех и всяческих условностей, она буквально одержима страстью к несправедливости и разрушению во имя борьбы с «косностью», во имя «революционной романтики». Однако за ее патетической фразеологией не стоит ничего реального. И не случайно по ходу действия раскрывается, что, рассказывая о себе, Зу просто беспардонно лжет. Из всех троих она одна за всю жизнь так ничего толком и не сделала.

Устами Курта Керндль

дает резкий отпор такой псевдореволюционности: «Как только революция становится работой, она теряет для вас всякую привлекательность, — гневно говорит Курт. — Повседневный труд вам бы хотелось превратить в игрушку, собственную развешать в папку-сундук! Вы оказались банкротами перед лицом повседневной действительности — ты в тебе подобные. И именно поэтому не прочь всю эту действительность разрушить — тоже только для забавы, чтобы убить время. Но при этом ради саморекламы орать во все горло: вот, дескать, мы — истинные, единственные революционеры! Люди с пылающими сердцами!».

Революция, говорит тем самым Керндль, — это не разрушение, а прежде всего созидание. Революция меняет мир, но эти перемены зависят прежде всего от того, что и как мы делаем. Именно поэтому в условиях социалистического общества повседневный, будничный труд на благо этого общества и есть истинно революционное поведение. Именно в нем нужно искать и находить подлинную революционную романтику наших дней.

Не трудно заметить, что обе пьесы существенно отличаются друг от друга. В каждой из них свой материал, свой круг житейских условий и обстоятельств. Различны они и по жанру: «Въезд в замок» Шнейдера — народная комедия, во многом опирающаяся на традиции немецкого шванка. Пьеса «Когда же придет Эрлихер?» Керндля — современная интеллектуальная драма.

И все же есть в них и нечто общее. Оба драматурга стремятся прежде всего к исследованию характеров. Взаимосвязь общественных процессов с процессами, происходящими в сознании людей, духовный облик строителя социализма в его становлении и развитии — вот задача, которую, каждый по-своему, решают Шнейдер и Керндль. И еще: в сущности, вопрос об истинной революционности в наши дни, что дебатруется в пьесе Керндля, является идейным стержнем и в комедии Шнейдера. И в ответе на него — та мера требовательности к самим себе, с которой подходят к своим делам и помыслам граждане нашей республики.

Рената РАУХ,
журналистка.

БЕРЛИН.